

ПУБЛИЧНОСТЬ ВЛАСТИ: ЛИНГВИСТИКА ИЛИ ПОЛИТОЛОГИЯ?

Виктор Согомонян¹

В трех выпусках информационно-аналитического журнала «21-й ВЕК» за 2012г. были опубликованы мои статьи, которые, в целом, представили исследование на тему «Публичность власти».

В этой, завершающей статье, которую редакция журнала вновь любезно согласилась опубликовать, я попробую подвести итоги этого исследования. В первую очередь, вкратце напомню суть основных выводов, затем попытаюсь ответить на те вопросы, которые чаще всего возникали у специалистов (и у студентов) в процессе апробации этого научного труда.

1. *Дискурс института власти* есть дискурс приказа; он представляет собой совокупность коммуникативных актов публичного транслирования императива, адресатами которого являются все подвластные. Это комплекс коммуникативных актов различных видов, где иллюкутивной целью субъекта-власти всегда является приказывание.
2. Сам *коммуникативный акт публичного транслирования императива* представляет собой процесс одновременного, синтезированного оперирования носителем/полномочным представителем власти «естественным» языком и «языком власти», где актуализуются конвенционально закрепленные и обладающие императивной интенцией смыслы, явления и идеи, порождаемые системой специальных знаков-оповещений «языка» власти. При этом власть является единственным правомочным обладателем этой специальной системы знаков; вне пределов этой системы реальные и легитимные коммуникативные события

¹Кандидат филологических наук.

между властью (как субъекта) и ее подданными в пределах реализации публичности власти происходить не могут.

3. *Понятие «публичность власти»* нужно определять как комплекс тех действий власти, которые осуществляются в рамках следующих двух процессов: а) перманентного информативного процесса распространения кодов управления, т. е. процесса распространения всеобщих приказов. На лингвистическом уровне – это процесс оперирования перформативами, реализация которых имеет смысл и возможна лишь в публичном пространстве. В итоге, это комплекс необходимых для осуществления управления государством речевых действий власти, которые для достижения цели должны совершаться открыто, публично; б) процесса совершения ритуальных и церемониальных действий, которые имеют целью создание или подтверждение экзистенции/легитимности власти.
4. *Властный императив* имеет материальную *форму выражения*, которая в своих трех трихонимиях идентична «обычным» формам коммуникации – письменной речи, устной речи и языку жестов. В случае публичности власти это: а) форма *письменной речи* – графического, письменного документа, содержащего текст приказа или выступления носителя/полномочного представителя власти; б) форма *устной речи* – устного выступления носителя/полномочного представителя власти, обращенного к той или иной аудитории; в) форма *визуализации, жестов* – отправляемого властью ритуала.
5. Вербальный характер публичности позволяет рассматривать публичность власти в своей целостности в качестве некоего *набора единиц коммуникации*, прежде всего – текстов. Заключение в одну из трех указанных выше форм *текст публичности* можно с уверенностью рассматривать как *содержательный знак коммуникации власть-подданные*, знак-символ, способный иметь самостоятельную семантическую нагрузку и успешно достигать первой части коммуникативной цели публичности – обозначить общий характер события, задать его модус.
6. *Видами публичности власти* являются: *прямое* приказывание, *латентное* приказывание и *ритуальное* приказывание. Трехуровневая типоло-

гия видов публичности вкупе с функционально присущими им (конвенционально закрепленными) формами реализации – тот арсенал, при помощи которого всякая власть во все времена осуществляла базовую функцию управления, не используя средств насилия.

7. Направленная на достижение какой-либо политической цели и структурированная в соответствии с этой направленностью совокупность конститутивных принципов построения дискурса власти-в-публичности есть *концепция реализации публичности власти*. Это индивидуальный для той или иной власти стиль оперирования формами и видами публичности в продолжительном диалоге с подданными, результат выбора той или иной конкретной властью особой иерархии инструментов реализации публичности в плане приоритетности и частотности их использования, а также особой системы отношений форма-вид-действительность в актах публичности конкретной власти. Это способ организации самой системы этой коммуникации, особый метод оперирования ее инструментарием, в результате задействования которого рождается *характерный для конкретной власти стиль вербального управления*.
8. Существуют три основные *концепции реализации публичности власти*: «базовая» концепция, концепция «господства» и концепция «дисциплины». Последние две концепции возникают в результате структурных метаморфоз «обычной речи» власти – базовой концепции. Выбор конкретной власти в пользу той или иной концепции реализации публичности может раскрыть некоторые характеристики этой власти, в зависимости от конкретного случая с большей или меньшей точностью указать на ее исконную политическую сущность.
9. *Пространство функционирования публичного императива* есть легитимизированное гласной или негласной, организованной или нет конвенцией между властью и подвластными пространство совершения актов публичности власти. Это синтезированное явление, соединение двух равнозначных составляющих: физического, реально существующего пространства официальной публичности и психологического пространства восприятия властного сигнала.

Теперь обратимся к вопросам.

Как во время профессиональных обсуждений этого исследования, так и во время лекций в МГИМО(У) чаще всего задавались вопросы, затрагивающие следующие две темы:

1. Почему до этого не был должным образом исследован (и даже не выявлен) феномен публичности власти в данном понимании? Не указывает ли этот факт на некоторую недостаточность самобытности и самостоятельности этого феномена, на его т.н. «непредметность»?
2. Не является ли этот феномен (как и, соответственно, его исследование) принадлежностью более лингвистики или семиотики? Тем более что в исследовании широко использован научный аппарат скорее лингвистики и семиотики, чем политологии.

1. Как кажется, здесь возымели действие два основных фактора.

Во-первых, в первом приближении, бросается в глаза ярко выраженная самоочевидность всего пласта вопросов, касающихся рассмотренного феномена в любом его понимании, что, по-видимому, серьезным образом снижало интерес к этой теме. Если считать, что публичность власти есть транспарентность или медийность власти, то здесь обсуждать особо нечего, все понятно: публичность власти есть степень открытости деятельности той или иной власти, а также степень ее представленности в масс-медиа. Если понимать понятие «публичность власти» как производное от более юридического, чем политологического понятия «публичная власть» (в смысле – общая и единая для конкретного государства)¹, то вновь все вопросы, кроме тех, что лежат в сфере государственного права и истории, будут исчерпаны. Если же принимать подход, заложенный в основе данного исследования, т.е. понимать публичность власти как неотъемлемое свойство любой власти, как комплекс специальных коммуникативно-речевых действий власти, направленных на распространение императива, то даже здесь, на первый взгляд, особо нечего и исследовать. В «центре событий» здесь оказывается приказ, а изучение особенно-

¹Кстати, здесь очень важно обратить внимание на соответствующий английский термин «*public power*» или «*public authorities*», так как в русском языке омонимичность термина «публичный» создает определенную путаницу. На английском языке термин «публичность власти» в понимании, заложенном в основу данного исследования, звучит как «*publicity of authorities*».

стей приказа удобнее связывать не с общими для любой власти (института власти) характеристиками, а с конкретикой – кто приказал, где приказал, как приказал и т.п. В итоге, даже из этого подхода, как может показаться, получится «выжать» максимум одно-два «режимных» (см. введение) исследования без обобщенных и новых для политической науки результатов.

Однако при более внимательном рассмотрении, вместе с уточнением терминов и расширением границ исследования в сторону смежных дисциплин, перед нами открывается, как видим, совершенно иная картина, относительно новый пласт для политологического изучения, который, по сути, представляет собой одно из важнейших свойств института власти – свойство осуществления публичной деятельности, направленной на выполнение определяющей функции власти – функции управления. При этом следует понимать, что феномен «публичность власти» принадлежит сразу к трем конститутивным элементам института власти: это и один из источников власти, так как он есть явление, порождающее власть и поддерживающее ее легитимность; это и один из ресурсов власти, так как является одним из средств, необходимых для практической реализации власти; и, наконец, реализация публичности – одна из функций власти¹, так как с помощью этого процесса власть осуществляет управление без применения средств насилия (можно условно назвать это явление «преднасильственным управлением»).

Кстати, вопрос уточнения терминов имеет здесь ключевое значение; об этом было подробно сказано и во введении, и в первой главе. Многие именитые ученые не раз отмечали важность этого вопроса для политической науки в целом. «Я считаю грустным отражением состояния политической науки тот факт, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как власть, мощь, сила, авторитет и, наконец, насилие. Все они относятся к различным феноменам. Использование их в качестве синонимов не только указывает на *определенную глухоту к лингвистическому значению* (курсив мой – В.С.), что само по себе весьма серьезно, но также указывает на

¹ «Власть как сложное социальное явление характеризуется наличием следующих элементов: субъектов власти (управляющие), объектов власти (управляемые), источников власти (явления, порождающие власть и поддерживающие ее легитимность), ресурсов власти (набор средств, необходимых для практической реализации власти) и функций власти (общественные задачи, для выполнения которых служит власть)» [3, с. 53].

некое слепое восприятие реальностей, которым они соответствуют», – пишет Ханна Арендт в своем труде «Кризисы республики» [1, р. 12]. «Политологи и по сей день не договорились об употреблении такой основополагающей категории как “власть”. В теоретической литературе понятие “власть” не случайно относится к числу основополагающих и одновременно “сущностно оспариваемых”», – отмечает Е.Б.Шестопап [2, с. 10].

Во-вторых, здесь очевидно возымел действие аспект «пограничности» данного явления: по-видимому, долгое время политологи считали эту область деятельности власти принадлежностью лингвистики, лингвисты же – принадлежностью политологии. Здесь невольно вспоминается известное высказывание Михаила Ильина о семиотически образованных политологах или о политологически образованных семиотиках. Действительно, единственным ракурсом для видения данного подхода мог стать междисциплинарный ракурс, тем более, что «политическая наука не создала каких-либо собственных специфических методов для исследования политической действительности. Она всегда использовала приемы иных научных дисциплин, обычно – близких или смежных отраслей знания, с помощью которых и осуществляется исследование политической реальности» [3, с. 17].

Что же касается «предметности» рассматриваемого феномена, то она, как кажется, не должна вызывать сомнений. Публичность власти, как было показано в этом исследовании, есть неотъемлемое свойство любой власти, ее технология, которая приводит в действие саму власть и является одним из креаторов власти как таковой. Очевидно, что она до сих пор недостаточно изучена. Прежде уже говорилось о том, что дальнейшие исследования при помощи данного подхода могут помочь политологам с наибольшей точностью изучить и классифицировать инструментарий публичности власти, выяснить, в каких формах она может проявляться и успешно материализовываться; проследить, какими путями конкретная власть может становиться властью-публичности и, благодаря собственному стилю оперирования императивом, обретать уникальный в своем роде, присущий исключительно этой власти, образ. Есть все основания предполагать, что дальнейшее, углубленное изучение форм/видов и концепций публичности власти как в теоретической, так и в практической плоскости может открыть дорогу к более точному понима-

нию сущностей тех или иных политических режимов, привести к формированию новых и эффективных индикаторов для определения характера власти в той или иной стране современного мира. Очевидно также, что подчиненный какой-либо (осознанной и выбранной или нет конкретной властью) иерархии определенный репертуар форм и видов приказывания, применяющийся конкретной властью на протяжении всего процесса управления, может с максимальной точностью выявить природу этой власти.

2. Чтобы объяснить относительное превалирование и широкое употребление терминов из научного аппарата лингвистики и семиотики в данном исследовании, а также ответить на вопрос по поводу принадлежности данного исследования к той или иной научной сфере (лингвистика или политология?), будет вполне достаточным, обобщая, подчеркнуть, что предмет изучения здесь является *язык власти* (но) исключительно в тех контекстах, в которых этот язык является проводником функций института власти в сферу публичной реализации, т.е. там, где статика этого языка переходит в динамику функциональной деятельности власти. И именно поэтому это исследование носит сугубо политологический характер, так как направлено исключительно на изучение института власти, одной из его конститутивных функций; на изучение института власти в одном из его неизбежных и периодически повторяющихся состояний¹. Описание же коммуникативной структуры и инфраструктуры любого института без употребления лингвистических терминов очень сложно себе представить. Кроме того, в плане достигнутых научных результатов, эта работа вряд ли может представлять особую ценность для лингвистики или семиотики: абсолютно все выводы и новые научные факты касаются политических институтов и затрагивают институциональные политические процессы.

Однако, вместе с тем, здесь следует подчеркнуть особую важность лингвистического плана (или лингвистического метода, ракурса) для данного исследования.

Во-первых, известно, что «все знаковые коммуникативные системы, функционирующие в человеческом обществе, будь то система уличных сиг-

¹ Кстати, именно этим объясняется небольшой интерес в данном исследовании к результативному аспекту, то есть к конкретному эффекту, производимому тем или иным актом публичности; это уже область социальной психологии и политической истории.

налов, азбука Морзе или структура выразительных средств искусства во многом организованы по типу естественных языков» [4, с. 8]. Следовательно, семиотическая система естественного языка может служить и, как было показано, служит в качестве модели для организации системы языка власти. Одной из научных задач, поставленных перед этим исследованием, было показать точки соприкосновения этих двух систем, что кажется весьма важным в плане правильного, корректного с точки зрения тех или иных политических целепоставлений синтезирования форм и видов реализации публичности в политической действительности.

Во-вторых, вместе с однозначным определением существования специального языка/специальной системы знаков власти и после ее детального описания, у политологов и политиков появляется возможность, выражаясь терминологией Ю.С.Степанова, *осознавать* эту знаковую систему и пользоваться ей. «В диапазоне систем, действующих в человеческих коллективах, знаковая система существует в той или иной мере осознанно тем или иным количеством людей. Если в какой-либо ситуации знаковая система совершенно не осознается человеком (...), то в этом случае человек может оказаться по отношению к знаковой системе в одной из трех позиций, которые можно описать такими словами: 1. Пользуется языком, но не осознает этого: он участник системы, но не наблюдатель; кто-либо другой может оказаться в этом случае наблюдателем; 2. Пользуется языком и осознает: “это язык и это – мой язык, я им пользуюсь”; он участник и наблюдатель одновременно; 3. Осознает, что перед ним язык, но не пользуется им: “это – язык, но не мой, я им не пользуюсь”; он только наблюдатель (четвертым окажется следующий случай: язык существует, но человек не осознает, что это – язык, и, следовательно, не пользуется им; он не участник и не наблюдатель). Закон, относящийся к диапазону знаковости, может быть сформулирован так: свойство быть знаковой системой в некоторой степени зависит от позиции наблюдателя» [5, сс. 61-62]. Я не случайно отмечал прежде аспект осознанности/неосознанности действий власти в деле выбора или конструирования той или иной концепции реализации публичности власти, при осуществлении коммуникационной политики. Не секрет, что на практике образы власти зачастую формируются совершенно стихийным образом, без понимания особенностей не только отдельных элементов публичности, но и ее сути в целом.

Наконец, в-третьих. Если принимать как исходные «два распространенных положения: сущность власти есть возможность одного человека заставить другого делать то, что тот по своей воле не сделал бы; другое акцентирует коммуникативный аспект властных отношений, определяя власть в терминах взаимодействия, предполагающего, что подчиняющийся власти признает приказ» [2, с. 15], то можно утверждать, что точно так же, как аспект т.н. «чистого» государства выявляется через редукцию к институту насилия и принуждения, через редукцию к языку/дискурсу власти становится возможным альтернативное выведение понятия «чистой власти», власти как института, где вопрос характера, «национальности», «личности» и исторического периода деятельности власти может и не обсуждаться. Макс Вебер: «Что есть «государство»? *Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности* (все курсивы цитаты мои – В.С.). Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть исключительно, присуща тем союзам, которые называют «политическими», то есть в наши дни – государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, *дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства – физического насилия.* «Всякое государство основано на насилии», – говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие «государства», тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. <...> Право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: *единственным источником «права» на насилие считается государство»* [6, 645]. Как отмечает Маргарет Тэтчер, «лишь государства обладают монопольным правом на при-

нуждение... Функцию принуждения государство не должно отдавать никогда» [7, с. 16].

Как понятно, право на реализацию публичного легитимного императива – второе, вновь неотъемлемое и институциональное право власти и государства, которое не может быть отдано или делегировано; в этом контексте указанный выше аспект осознанности существования феномена публичности и корректного понимания связанных с ним явлений и его инфраструктуры обретает особое значение.

В заключение хотел бы сказать несколько слов о перспективах дальнейшего изучения феномена публичности власти.

В первую очередь, следует обозначить необходимость более детального изучения предмета в целом, конечно же, в случае, если легшие в основу этой книги метод и понимание проблематики публичности власти будут сочтены научным сообществом перспективными для политологии. В этом случае можно с уверенностью говорить о том, что настоящее исследование – всего лишь первый шаг из тысячи в данном направлении.

В частности, очевидно, что многие приведенные здесь определения различных понятий – от общих до частных – могут быть уточнены или дополнены, тем более что некоторые термины, использованные в этих определениях, заимствованы из лингвистики и введены за неимением лучших эквивалентов. Так, например, часто употребляемый здесь термин «императив» и все производные от него в контексте этого исследования понимаются и употребляются в не совсем классическом смысле (как чистый субститут понятия «приказ»), что может создать определенные сложности для правильного понимания высказанных мыслей.

Видится возможным создание более удобной системы обозначений и формул для демонстрации вариативных сочетаний форм и видов публичности и их соотношенности к реальной действительности (см. третью главу).

Отдельно стоит вопрос анализа генезиса знаков специального языка власти. Как отмечает итальянский исследователь символики власти Паоло Рапелли, «язык власти – это язык ее символов, атрибутов, стереотипов: они

дошли до нас из глубины веков почти без изменений, и хотя их происхождение не всегда удастся прояснить, они всегда сопровождают те или иные ее явления» [8, с. 8]. В контексте этой работы должно быть более чем очевидным, что выявление происхождения этих знаков и символов может представлять особую ценность не только для истории. Ведь коды языка власти, как и естественного языка, «характеризуются константностью основных структурных моментов и внутренним динамизмом – способностью изменяться, сохраняя при этом память о предшествующих состояниях» [9, с. 489], что, по Лотману, определяет долгосрочность и, следовательно, продолжающуюся действенность этих кодов.

Видится также совершенно реальной перспектива расширения границ междисциплинарности для более глубокого изучения феномена публичности власти в сторону социальной психологии. Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии «Образы российской власти: от Ельцина до Путина», «образы власти имеют общую структуру, в которой следует различать наряду с рациональным уровнем (...) уровень бессознательный, для выявления которого нужны иные, прежде всего психологические инструменты. (...) Образы власти складываются не только под влиянием контекста политических событий, но и под воздействием традиций национальной политической культуры, тех архетипов, которые длительное время существуют в массовом сознании» [2].

Однако самый большой объем работы, как кажется, предстоит проделать в практическом направлении: в конечном итоге, вся изложенная выше теория направлена на изучение и, в некотором смысле, конструирование политической действительности. Что касается изучения политических реалий, то здесь, как понятно, для политологов открывается широкое поле в плане исследования коммуникативного поведения действующих властей в разных странах мира, выявления характера используемых основными носителями власти концепций реализации публичности, проведения сравнительного анализа императивных дискурсов. Относительно же конструирования т.н. новой (хочется сказать – лучшей) политической действительности, что можно понимать как организацию наиболее эффективного диалога с властью, то очевидно, что осознание носителями власти и организаторами

их публичной деятельности существования феномена публичности власти как структурированной системы/языка власти и практическое применение знаний в этой области может существенным образом повысить уровень коммуникативного взаимодействия между властью и обществом в любом государстве. При этом следует понимать, что здесь надо приложить определенные усилия для того, чтобы этим языком в полной мере (или хотя бы в относительно полной мере) смогли овладеть бы и мы – те, кого принято считать его пассивными адресатами. Ведь в отношениях власть-подвластные, помимо воздействия одного человека на другого, между ними происходит и взаимодействие, но этот процесс осуществим только тогда, *если властвующие имеют с управляемыми общий язык*, на котором можно договариваться и приходиться к соглашениям [2]. Цель, к достижению которой, кажется, стремится любая власть, даже тогда, когда эта цель недостижима.

Сентябрь, 2012г.

Источники и литература

1. *Arendt H.*, Crises of the Republic; lying in politics, civil disobedience on violence, thoughts on politics, and revolution. 1-st ed. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
2. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. Коллективная монография под редакцией Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2008.
3. *Макорга Г.А.*, Политология в вопросах и ответах: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Проспект. 2005.
4. *Лотман Ю.М.*, Люди и знаки. // *Лотман Ю.М.*, Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2012.
5. *Степанов Ю.С.*, Основные законы семиотики: объективные законы устройства знаковых систем (синтактика) // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. – М.: МГУ, 2004, т. 2.
6. *Вебер М.*, Политика как призвание и профессия // Избранные произведения: Пер. с нем. (Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко). – М.: Прогресс, 1990.
7. *Тэтчер М.*, Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. – М.: Альпина Паблшер, 2012.
8. *Рапелли П.*, Символы власти и великие династии. Пер. с ит. М.А. Юсим. – М.: Омега, 2008.
9. *Лотман Ю.М.*, Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры. // Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2012.

PUBLICITY OF POWER: LINGUISTICS OR POLITICAL SCIENCE?

Viktor Soghomonyan

Resume

In the article, the author sums up the results of the research on "publicity of power" and explains relative prevalence of scientific terms of linguistics and semiotics in the research, answers the question on attribution of the research to this or that scientific field (linguistics or political science?). It's underlined that the object of study in the research is the language of power (but) exclusively in the contexts where the language is the guide of functions of the institute of power to the sphere of its public realization, i.e. where the statics of the language turns into dynamics of functioning of activity of power. That is why the research, as the author states, bears exclusively character of political science as it is focused on only investigating the institute of power, one of its constitutive functions; studying the institute of power in one of its imminent and periodically repeated states. And it is very hard to conceive of the description of communicative structure and infrastructure of any institute without using linguistic terms. Besides, in terms of scientific results, the work (as the author notes) can hardly be of special value for linguistics and semiotics. Absolutely all the conclusions and new scientific facts concern political institutions and touch upon institutional political processes.